

0- 795262

На правах рукописи

Черкесова Захура Барисбиевна

**СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НЕЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ СЛОВ
В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

**10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(тюркские языки)**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Нальчик – 2012

Работа выполнена в Учреждении Российской академии наук «Институт гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН»

Научный руководитель: доктор филологических наук профессор
Гузеев Жамал Магомедович

Официальные оппоненты: **Алиева Тамара Казиевна,**
доктор филологических наук профессор,
ФГБОУ ВПО «Карачаево-Черкесский
государственный университет», профессор
кафедры карачаевской и ногойской филологии

Ишбердин Эрнс Файзрахманович,
доктор филологических наук профессор,
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный
университет», профессор кафедры
восточных языков

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Дагестанский
государственный университет»

Защита состоится 13 апреля 2012 года в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д.212.076.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата филологических наук при ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» по адресу: 360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» (360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173).

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

Автореферат разослан 12 марта 2012 г.

0000808136

Ученый секретарь
диссертационного совета

Татьяна Александровна Чепракова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Начиная с 80-х годов XX в., языковеды стали признавать самостоятельной частью речи, кроме междометий, еще модальные слова. Ряд лингвистов эти части речи включал в состав служебных частей речи (Розенталь 1967: 270-283; Калмыкова 1973: 271-318), остальные же – как и междометий, к третьей, безымянной группе (Тихонов 1981: 388-391; Филиппов 1981: 406-410; Дудников 1990: 205; Холодов 2001: 274-277 и др.).

В состав частей речи подражательные слова включились в последнюю очередь и поныне находятся то в разряде служебных частей речи (Калмыкова 1973: 310-318), то в разряде знаменательных частей речи (Баскаков 1976: 107), то в разряде группы безымянных частей речи (Тихонов 1981: 187-188).

Впервые в языкознании эти части речи отграничены от служебных частей речи и в «Грамматике современного башкирского литературного языка» (ГСБЛЯ) названы «экспрессивно-эмоциональными частями речи» (ГСБЛЯ 1981: 323), хотя в ней и не объясняется отличие их от служебных частей речи. Этот вопрос решается Ж.М. Гузеевым в его вузовском учебнике (Гузев 2006: 251-267).

Уровень исследования словообразования частей речи в различных языках соответствует уровню исследования их грамматических, лексических и стилистических особенностей. Как в русистике, так и в тюркологии основным исследованием охвачено лишь словообразование основных знаменательных частей речи. Что касается не основных знаменательных (местоимений и имен числительных) и незнаменательных частей речи, то словообразованию их не посвящена ни одна работа. Правда, в ряде научных грамматик имеются отдельные сведения об образовании некоторых из них. Например, об образовании послелогов от прилагательных, наречий, форм глаголов, модальных слов от наречий, имен прилагательных и личных форм глагола, междометий от глаголов и имен существительных. Однако в них ничего не говорится о том, по каким способам образуются эти части речи. Исключение составляет лишь ГСБЛЯ, где отмечается, что послелог образуется путем конверсии (т.е. семантико-морфолого-синтаксической разновидностью семантического способа словообразования), а подражательные слова – способом редупликации (Максютова 1981: 304; Ишмухаметов 1981: 347).

Специальных исследований, посвященных словообразованию ни одной незнаменательной части речи (ни служебной, ни экспрессивно-эмоциональной), ни в тюркологии, ни в русистике нет.

Словообразование этих частей речи в тюркологии (за исключением модальных слов) рассматривается лишь Ф.А. Ганиевым (1995: 512-521) и Ж.М. Гузеевым (2006: 251-267) в очень сжатом виде.

Ф.А. Ганиев показывает на достоверном языковом материале образование междометий, послелогов, частиц и союзов путем конверсии, подражательных слов словосложением, послелогов еще аффиксацией, а междометий - словосложением. Однако он считает, что «в союзы могут переходить только некоторые частицы» (Ганиев 1995: 521). Между тем, судя по данным словарей татарского языка, в союзы переходят еще местоимения (*ни «что»* (мест.) → *ни* (союз), числительные (*бер «один»* (числ.) → *бер* (союз), наречия (*башлыча, аеруча «особенно»* (нар.) → *башлыча, аеруча* (союзы), глагольные формы (*эйтерсен, диярсен* (прич. буд. вр. 2-го л.) → *эйтерсен, диярсен* (союзы), местоименные слова вопросительного типа (*кем «кто»* (мест.) → *кем* (союз. сл.), *ничэ «сколько»* (мест.) → *ничэ* (союз. сл.).

Основные вопросы словообразования незначащих слов на материале карачаево-балкарского языка Ж.М. Гузеев характеризует правильно, хотя и описательно.

Указанными обстоятельствами обусловлена актуальность выбранной темы.

Гипотеза исследования заключается в том, что словообразовательная система незначащих частей речи карачаево-балкарского языка базируется на собственных словообразовательных моделях, так как тюркологическая наука не располагает аналогичными работами. При формировании собственной словообразовательной системы производится определенная дифференциация моделей, учитывающая различные фоновые морфологические трансформации словообразовательных маркеров.

Специфика инвентаря словообразовательных моделей указанных частей речи карачаево-балкарского языка состоит также в свойственной только ему конкретной частотности и продуктивности функционирования данного инвентаря.

Методологической базой для исследования послужили теоретические положения, представленные в трудах ведущих специалистов-тюркологов, русистов и германистов (В.В. Виноградова, А.Н. Кононова, Н.К. Дмитриева, Н.М. Шанского, Д.Н. Шмелева, А.А. Юлдашева, Е.С. Кубряковой, В.В. Лопатина, М.А. Хабичева, В.Г. Гак, Ж.М. Гузеева, Ф.А. Ганиева, В.Д. Аракина, Ю.А. Жлуктенко, А.Я. Загоруйко и др.).

Материалом исследования явились лексические единицы карачаево-балкарского, а также ряда тюркских языков. Сбор языкового материала для анализа осуществлялся методом сплошной выборки на каждый способ словообразования незначащих слов. Источниками материалов исследования послужили тюркско-русские и толковые словари карачаево-балкарского, киргизского, казахского, татарского, башкирского, узбекского, азербайджанского языков, а также текстовые примеры, выбранные из художественных произведений балкарских и карачаевских авторов.

Научная новизна работы состоит в том, что она представляет собой первое исследование в тюркском и русском языкознании словообразования незначительных частей речи, осуществленное на материале современного карачаево-балкарского языка. Помимо общеизвестных способов словообразования в работе впервые в тюркском языкознании комплексно исследуется образование служебных и экспрессивно-эмоциональных частей речи всеми разновидностями семантического способа словообразования: лексико-семантической, семантико-морфологической и семантико-морфолого-синтаксической.

Предметом диссертационного исследования являются способы образования незначительных частей речи карачаево-балкарского языка, а **объектом изучения** – незначительные части речи.

Цель исследования – определение способов словообразования каждой незначительной части речи карачаево-балкарского языка.

Сформулированная цель предполагает решение следующих исследовательских задач:

- 1) установить словообразовательные отношения между знаменательными и незначительными частями речи и самими незначительными словами;
- 2) выявить и описать способы словообразования каждой незначительной части речи;
- 3) сравнить способы словообразования знаменательных и незначительных слов и выявить их различия;
- 4) уточнить словообразовательную сущность конверсии и выработать критерии разграничения узуальной и окказиональной конверсии;
- 5) определить критерии разграничения разновидностей семантического способа словообразования;
- 6) разграничить образование незначительных слов разными вариантами морфологического способа словообразования;
- 7) выявить и разграничить лексико-грамматические и грамматические омонимы, образованные путем конверсии и лексикализации грамматических форм слов;
- 8) разработать критерии лексикализации грамматических форм слов и перехода слов из одной части речи в другую без изменения внешней формы.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке и описании критериев разграничения разновидностей морфологического и семантического способов словообразования незначительных слов в тюркских языках, в использовании относительно нового структурно-семантического, теоретического подхода к описанию словообразовательных моделей их в карачаево-балкарском языке, исследование которых способствует углублению изучения словообразовательной системы не только карачаево-балкарского, но и тюркских языков в целом.

Практическая ценность диссертационного исследования состоит в том, что результаты его могут быть использованы при написании новых грамматик тюркских языков, школьных и вузовских учебников, сравнительных работ по лексикологии, а также найти практическое применение в составлении вузовских спецкурсов по словообразованию. Материал диссертации может использоваться в лексикографической практике для составления общепилологических словарей и словарей омонимов.

Методы исследования обусловлены его целью, задачами и характером изучаемого материала. Общая методология работы основана на описательном методе, дополненном элементами структурно-семантического, сравнительно-исторического, логического методов.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ, ВЫНОСИМЫЕ НА ЗАЩИТУ:

1. Незнаменательные части речи разделяются на служебные и экспрессивно-эмоциональные (междометия, модальные и подражательные слова).

2. Словообразовательная система незнаменательных частей речи карачаево-балкарского языка имеет определенные модели и типы как формально-семантические схемы построения слов, позволяющих отличать производные основы от производящих.

3. Большинство слов незнаменательных частей речи образовано способами словосложения и семантическим.

4. Семантический способ словообразования включает три разновидности: лексико-семантическую, в основе которой лежит распад полисемии; семантико-морфологическую, опирающуюся на лексикализацию грамматических форм слов и словосочетаний, и семантико-морфолого-синтаксическую, которая осуществляется путем конверсии. По первой из которых незнаменательные слова вообще не образуются.

5. Из всех незнаменательных частей речи аффиксальным способом образуются только послелогии, притом редко.

6. Экспрессивно-эмоциональные слова обладают большим словообразовательным потенциалом, чем служебные.

7. Субстантивация, адъективация и подобные им явления связаны с двумя разновидностями семантического способа словообразования: семантико-морфологическим и семантико-морфолого-синтаксическим.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования обсуждены на заседании сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, а также на международных научных конференциях «Кавказские языки: генетико-типологи-

ческие общности и ареальные связи» (Махачкала 2010), «Словообразование в тюркских языках. Проблемы и исследования» (Казань 2010), всероссийских научных конференциях «Языковая ситуация в многоязычной поликультурной среде и проблемы сохранения и развития языков и литератур народов Северного Кавказа» (Карачаевск 2011), «Наука и устойчивое развитие» (Нальчик 2011), «Языковая ситуация в многоязычной поликультурной среде и вопросы сохранения и развития языков и литератур народов Северного Кавказа» (Карачаевск 2010), отражены в пяти опубликованных статьях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, ее научная новизна, формулируются цель и задачи работы, представляются основные положения, выносимые на защиту, методы исследования, теоретическая и практическая значимость.

Первая глава «Проблемы разграничения знаменательных и незнаменательных слов, образованных от них без изменения их формы» посвящена разграничению служебных имен и имен существительных, служебных имен и послелогов, глаголов и служебных глаголов, экспрессивно-эмоциональных слов и служебных слов.

Служебные слова – это особая группа имен существительных, употребляющихся с аффиксом принадлежности 3-го л. ед.ч. и служащих вторым компонентом изафетного словосочетания: **ал(лы)** «*перёд, передняя часть, сторона чего-л.*», **жан(ы)** «*бок, боковая сторона, место около чего-л.*», **тыш(ы)** «*внешняя, наружная сторона чего-л.*» и др. Одни исследователи считают их «чистыми послелогоми» (Азимов и др. 1966: 103; Покровская 1966: 129), другие – «именными послелогоми» (Убрятова 1966: 420), третьи – «послелогоми, изолированными формами знаменательных слов» (Баскаков 1966а: 294; 1966б: 315; Калмыкова 1973: 279-290), четвертые – «послеложно-именными словами» (Хаджилаев 1963: 69; 1976: 292-300; Хабичев 1966: 227), пятые (их большинство, мнение которых, как нам кажется, наиболее приемлемо) видят в них особую группу служебных слов, занимающих промежуточное положение между послелогоми и именами существительными и определяют их как «служебные имена». Отсутствие единства в понимании сущности служебных имен между тюркологами отразилось и в их лексикографической разработке: в одних общих словарях они квалифицируются как имена существительные, в других – как послелогои, в-третьих – как наречия, а в-

четвертых – как значения соответствующих знаменательных слов, от которых они образованы.

Анализ фактов показывает, что служебные слова в подавляющем большинстве случаев в составе изафетного словосочетания сохраняют свое лексическое значение (1). Служебные имена лишь в исключительных случаях могут быть отнесены к послелогам (2). В тюркских языках встречаются словосочетания (вторым, т.е. ведущим, компонентом их является служебное имя), выступающие в роли служебных слов, например: *кар.-балк. юй аллы* «двор», *жаз башы* «весна», *жастыкь тыи* «наволочка»; *казах. ѓз алдына* «самостоятельно», *сѓз басы* «предисловие» и др. (3).

При составлении общих словарей тюркских языков должны учитываться все эти три момента, и служебные имена надо рассматривать как отдельный разряд имен существительных. Одна из их особенностей, как уже указывалось, заключается в том, что они почти всегда употребляются с притяжательными аффиксами, что также должно быть отражено в словаре.

Образцом разработки служебных имен является, на наш взгляд, «Толковый словарь карачаево-балкарского языка» (в трех томах), ср.:

Ич(и). 1. Нутро (толк. и илл.): а) Без притяжательного аффикса обычно не употребляется, б) В дательном-направительном, местном и исходном падежах служит вторым компонентом словосочетания: *дорбун ичине* «в пещеру», *дорбун ичинде* «в пещере», *дорбун ичинден* «из пещеры».

2. (*Кѓйну эчкини д.а.к.*) **ичи** «внутренности (овцы, козы и т.п.)» (толк. и илл.).

3. (*Юйню, дорбунну д.а.к.*) **ичи** «внутренняя часть (дома, пещеры и т.п.)» (толк. и илл.).

4. (*Хычинни, бѓрекни д.а.к.*) **ичи** «начинка» (толк. и илл.).

5. (*Пальтону, костюмну д.а.к.*) **ичи** «подкладка (пальто, костюма и т.п.)» (толк. и илл.).

6. (*Сагъатны, айны, жылны д.а.к.*) **ичинде** «в течение (часа, месяца, года и т.п.)» (толк. и илл.).

7. :Внутренний (илл.).

Ичим (-инг, -и) **кюеди** «переживать» (толк. и илл.).

Ич кѓнчек «кальсоны» (толк. и илл.)....

Формы пространственных падежей служебных имен, которые, лексикализовавшись, в современном языке употребляются в роли наречий, а также падежные формы служебного имени, которые, утратив свое лексическое значение, выполняют роль собственно послелога, должны оцениваться как отдельные слова, словарные единицы, например: *арт* *сущ.* «зад, задняя, обратная сторона чего-л., место, расположенное сзади» – *артда* *нар.* «по-

том, после» – **артда** послел. «после», **ал(лы)** сущ. 1. «перед, передняя часть чего-л.» – **алгъа** нар. «вперед» – **алгъа** послел. «раньше кого-чего-л.» и т.п.

Служебные глаголы – это глаголы, которые в одних случаях выступают в своем основном значении, а в других, потеряв его, выражают только грамматические или дополнительные лексические значения: карач.-балк. **ий-** «послать» (**атып ий-** «выбросить»), башкир. **ал-** «брать» (**бара ал-** «мочь пойти (поехать)»), киргиз. **тур-** «стоять» (**карап тур-** «наблюдать» и т.п.).

Как и служебные имена, служебные глаголы в личной форме могут сохранять свое первичное глагольное значение и выступать в качестве самостоятельного члена предложения (1): **къыш болду** «настала зима», могут сохранять свое самостоятельное значение и в сочетании с различными деепричастиями и другими глагольными формами (2): **келтирип бер-** «принести и отдать» и т.п.

В служебной же функции они выступают как часть компонента сложносоставной основы, представляющей глагольную лексему. В данной функции одни из них сочетаются только с неличными формами глагола (**тур-** (**-бара тур-** «продолжать идти», **жибер-** – **сызып** – **жибер** – «выбросить» и т.п.), другие только с именными формами (**тут-** «(**баш тут-** «уметь жить», **тий-** (**ачыу тийди**) «обидеться» и т.п.), третьи же – как с именами, так и с глагольными формами (**кёр-** (**кюн кёр-** «существовать, жить», **айтып кёр-** «попробовать сказать» и т.п.).

Служебные глаголы могут обозначать различные этапы действия: начало его (**тебуре-** – **жырлап тебуре-** «начинать петь») или приступ к нему (**айлан** – **кете айлан-** «собираться уходить»), конец, предел его (**жет-** – **чабып жет** – «прибежать»). Однако конкретное значение того или иного служебного глагола выявляется только в составе аналитической основы.

В грамматиках не всегда четко различаются обычная и служебная функции глаголов. Например, глаголы **башла-** (**башта-/баста-/басла-**; **бит-/бют-/бит-**; **битдир-/битиш-/бютюр-** карачаево-балкарского, киргизского, казахского языков квалифицируются как служебные глаголы. Однако эти глаголы в сочетании с деепричастиями на **-а/-э, -е, -и** не имеют прямого отношения ни к словосложительным моделям, ни тем более к сложным словообразовательным формам, употребляются в своем обычном лексическом значении; ср. **иш башланды** «работа началась» и **ишлеп башладык** «мы начали работать».

В некоторых случаях бывает крайне трудно различать обычную и служебную функции глагола. Например, сочетание слов **ауруп келеди** выступает в следующих значениях: «заболев едет (к нам)», «болеет и (поэтому) едет», «всю дорогу (или все время) болеет». В первом и втором значениях глагол **кел-** выражает самостоятельное действие и поэтому яв-

ляется полнозначным, а в третьем он – конструктивный элемент сложного целого, выступает в служебном значении.

При сочетании с деепричастием служебный глагол теряет свое самостоятельное лексическое значение (1), не может служить членом предложения (2), вместе с предшествующим знаменательным словом образует такое смысловое единство, которое не допускает вклинивания между компонентами других слов. Эти его свойства являются основными признаками служебной функции глагола. Аффикс, замыкающий предыдущий знаменательный глагол (аффикс деепричастия), и последующий служебный глагол в смысловом отношении взаимозависимы и их сочетание выступает как единое целое, как одна значащая единица, как одна сложная морфема, компоненты которых, потеряв свое значение (первый – полностью, а второй – частично), приобретают совершенно новое значение. Вновь полученная аналитическая морфема, состоящая из сочетания аффикса и служебного глагола, по своему строению сходна со сложным аффиксом (Юлдашев 1972: 329); ср. киргиз. *кете ал-* «мочь уйти (уехать)», башкир. *килэ ал-* «мочь прийти (приехать)», татар. *бетерэ ал-* «смочь закончить» (*-е ал-*).

В существующих грамматиках и специальных исследованиях по служебным глаголам в тюркских языках нет удовлетворительного ответа на вопросы: 1) являются ли служебные глаголы собственно служебными словами, а если нет, то чем от них отличаются? 2) каково смысловое соотношение между самостоятельным и образованным от него служебным глаголом? Поэтому исследователи продолжают считать самостоятельные и служебные глаголы одним и тем же словом. Мы считаем, что реальное соотношение между исходным глаголом нередко дает все основания для их выделения в качестве своеобразных омонимов, что подтверждает возможность употребления омонимичной пары слов в одном и том же морфологическом построении типа *бара бар-* «продолжать идти (туда)», *келе кел-* «продолжать идти (сюда)», *кьююп кьюй-* «оставить, не трогать совсем», *бере бер-* «давать без конца, продолжать давать» и т.п. Эти примеры наглядно демонстрируют то, что между служебным и самостоятельным глаголами как значащими единицами нет ничего общего, здесь налицо факт нарушения тождества слова.

Теоретическая нерешенность вопроса о разграничении реального и служебного значений глаголов отразилась и в словарях. Так, в одних из них (к.-калп.) служебные глаголы вообще не регистрируются, в других (киргиз. и казах.) квалифицируются как самостоятельные глаголы, в третьих (татар., башкир., узб.) – как значения полноценных глаголов, т.е. лексические и служебные значения слова описываются в одном ряду.

Учитывая, что эти значения существенно отличаются друг от друга, мы предлагаем дифференцированное лексикографирование служебных глаголов: 1) если глагол, употребляющийся в служебном значении, потерял смысловую связь с глаголом, от которого он образовался, то их следует рассматривать как омонимы: *уша*- I гл. «*походить на кого-что*» – *уша* II мод. гл. «*кажется, оказывается*» и т.п.; 2) если же между полноценным и образованным от него служебным глаголом связь сохранилась, то они должны разрабатываться в одной словарной статье, описывая лексическое значение и служебную функцию его раздельно: *кёр*-«*видеть, увидеть*».../Сочетаясь с деепричастием на –*н*, выступает в роли вспомогательного глагола с семантикой пробы...

В отличие от служебных имен *послелог* – самостоятельная служебная часть речи, но не имеют реальной семантики и поэтому выполняют только вспомогательную функцию; их содержание определяется предшествующим им словом.

По своей структуре послелог подразделяются на собственно послелог (*бла* «*с, вместе с, по, на, посредством, до*» и др.) и послелог, образованные от различных частей речи, обычно имен, наречий и глаголов: *баиша* (*андан баиша* «*кроме него*») от прилаг. *баиша* «*иной, другой*», *бери* (*эрттенили бери* «*с утра*») от нар. *бери* «*скуда*», *таба* (*юй таб*а «*по направлению к дому*») от деепр. *таба* «*находя*» и др.

В подавляющем большинстве грамматик тюркских языков и даже в специальных исследованиях нет почти никаких сведений о смысловом соотношении производных послелогов со знаменательными словами, от которых они образованы, о том, являются ли эти послелог самостоятельными словарными единицами, как и собственно послелог, или же они представляют одно из значений своих производящих основ. В лучшем случае исследователи отмечают лишь то, к какому знаменательному слову восходит тот или иной послелог (Хаджилаев 1976: 287, 288; Донидзе 1975: 256, 258, 259).

Таким образом, несмотря на то, что по тюркским послелогам имеется большое количество исследований, семантика их остается еще не до конца выясненной. Это отрицательно сказывается на их словарной разработке. Так, во-первых, многие послелог вообще не включены в общие словари киргизского, казахского и каракалпакского языков. Во-вторых, в отдельных словарях слова, одинаково функционирующие и как наречие, и как послелог, объединены в одном слове, наречии: казах. *бери* «*с (со)*», *кейін* «*после, затем*». В-третьих, одни послелог приводятся самостоятельными словарными статьями с пометой «послелог», в качестве омонима к своим исходным основам, а другие – в словарных статьях своих исходных основ: к.-калп. *бурын* I нар. «*раньше, прежде*» – *бурын* II послел. «*раньше, прежде*» и *къарсы* нар. 5. послел. «*перед*». В-четвертых, в ряде случаев послелог попадает в статью

своей исходной основы, от которой он образован. Так, в Толковом словаре киргизского языка послелог *бойлоп* «вдоль, вверх» приводится в статье *бойло-«мерить глубину, длину»* как второе его значение, а в Толковом словаре татарского языка послелог *аркасында* «по причине, из-за, в силу, благодаря, вследствие», *тарафынан* «со стороны кого-чего-л.» – в статьях *арка* «спина», *тараф* «сторона, направление». В-пятых, в квалификации послелогов иногда обнаруживается отсутствие согласованности между грамматиками и словарями одного и того же языка. Например, слова *астам* «свыше, больше», *бетер* «и того больше, еще больше (хуже)» «Грамматика казахского языка» (1962) квалифицирует как послелог, а его Толковый словарь первое – как прилагательное, а второе – как наречие.

Послелогии образуются семантическим (*баиша* (прил.) → *баиша* (послел.), *таба* (деепр.) → *таба* (послел.)) и аффиксальным (*себен* «причина» + афф. -ли = *себепли* «имеющий причину» → *себепли* (послел.) «по причине чего, по причине того, что; вследствие чего, из-за чего») способами.

Словообразование экспрессивно-эмоциональных слов, как и служебных слов, в тюркском языкознании не подвергалось специальному исследованию. О них кое-какие сведения имеются лишь в грамматиках башкирского и татарского языков. В первом лексико-грамматические и грамматические омонимы не разграничены. Например, лексико-грамматические омонимы типа *дѣрѣс* (нар.) «правда, точно, истинно, верно» – *дѣрѣс* (мод. слово) и грамматические омонимы (омоформы) типа *күрзѣн* «ты водишь» – *күрзѣн* «видимо, по-видимому» квалифицированы как грамматические омонимы (Зайнуллин 1981: 330).

Здесь правильно отмечается, что полнозначные и служебные слова могут переходить в междометия: *алла* «бог» → *алла!* «боже!», *кит-* «уходить» → *кит!* «иди ты!» и др. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что междометие *ура!* в сочетаниях *ура кыскыр-* «кричать ура», *ура тауышы* «возглас ура» субстантивировалось (Ураксин 1981: 342).

Во второй грамматике из всех служебных и экспрессивно-эмоциональных слов упоминается происхождение лишь модальных слов, приводятся примеры на соотношение их с именами существительными (*ихтимал* «вероятность» → *ихтимал* «возможно»), прилагательными (*билгэ-лэ* «известный» → *билгэ-лэ* «конечно»), наречиями (*чыннан* «серьезно» → *чыннан* «кажется»), глагольными формами (*эйттерсен* «ты скажешь» → *эйттерсен* «будто») (Тумашева 1997: 298-299). Тем не менее о способах образования модальных слов ничего не говорится.

В карачаево-балкарском языке при переходе знаменательных слов в экспрессивно-эмоциональные слова в их словарной форме образуются лекси-

ко-грамматические омонимы. При этом в экспрессивно-эмоциональные слова переходят глаголы (**ийнан** - «верить в кого, во что» → **ийнан** «поверить», **уша** - «походить на кого-что» → **уша** «кажется, оказывается» – мод. сл.), существительные (**кертти** - «правда» → **кертти** «правда, действительно» – мод. сл.; **тоба** «исповедь, рассказ» → **тоба!** «ой-ой!, ах! о боже!» – межд.), прилагательные (**ахшы** «хороший» → **ахшы** «ладно, пусть» – мод. сл.; **оу** «плохой; негодный» → **оу!** – «ах!» – межд.).

При лексикализации грамматических форм слов образуются грамматические омонимы. При этом от грамматических форм знаменательных слов образуются междометия (**тобады** «это клятва» → **тобады** «ей-богу!», **гяуурма** «я неверующий» – **гяуурма** «я не я»), модальные слова (**жарсыугъа** «к печали, к горю» → **жарсыугъа** «к сожалению», **ахыры** «конец чего-л.» → **ахыры** «вообще, в общем», **биринчиден** «от первого» → **биринчиден** «во-первых»).

Из грамматических форм знаменательных слов модальные слова образуются чаще междометий.

Экспрессивно-эмоциональные слова, особенно междометия и звукоподражания, нередко переходят в служебные части речи (**ма!** (межд.) «ба! ну!» → **ма** (част.) «вот, на, возьми», **а** (межд.) «а!» → **а** (союз) «а», **алгъа!** (межд.) «вперед!» → **алгъа** (послел.) «пред», **чырт** – подр. звуку молока, вливаемого струей в ведро при доении коровы → **чырт** (част.) «совсем, совершенно»), а иногда – друг в друга (**тфу!** (звукоподр.) «тьфу» → **тфу** (межд.) (употребляется для выражения презрения); **айхай!** (межд.) «конечно!» → **айхай** «но, если бы, вот бы»).

Во второй главе «Способы словообразования и их применение в образовании незнаменательных слов в карачаево-балкарском языке» в сравнительном плане рассматривается образование знаменательных и незнаменательных слов. Сравнительный анализ словообразования этих групп слов нужен по следующим соображениям. Во-первых, не только в тюркских, но и в других языках изучается словообразование, как правило, только знаменательных частей речи и то не всех, а только основных из них (существительных, прилагательных, глаголов и наречий). Что касается других знаменательных частей речи (числительных и местоимений), а также незнаменательных, то их образование обычно умалчивается. Исключение составляет «Русская грамматика», в которой словообразовательной структуре числительных и местоимений отводится определенное место (Русская грамматика 1980: 411-412). Не говоря о словообразовании, незнаменательные части речи в тюркологии вообще изучены мало. Например, из всех незнаменательных частей речи в карачаево-балкарском языке монографически изучены только послелоги (Хаджилаев 1963). Во-вторых, в абсолютном большинстве языков, в

том числе и тюркских, способами словообразования признаются только аффиксация, словосложение, их комбинация и лишь в некоторых из них еще аббревиация. Однако в последние 30-40 лет в ряде исследований по словообразованию тюркских языков признаются самостоятельными способами словообразования также редупликация (Жабелова 1986: 61-70; 2009: 358-360), субстантивация (Аймурзаева 1981: 76-79), адвербиализация (Беглярова 1979; Кишტიкова 2009), конверсия (Ганиев 1985; Асанова 2007 и др.).

Поскольку субстантивация (переход слов других частей речи в существительные) и адвербиализация (переход слов других частей речи в наречия) являются разновидностями конверсии (переход слов из одной части речи в другую или другие), вряд ли стоит называть их самостоятельными способами словообразования. Что касается конверсии, то она представляет лексико-грамматическое явление, а не способ словообразования. При нем образуются разные морфологические категории, происходят семантические изменения и то, что вновь образованное слово является другой частью речи, определяется только по контексту (в словосочетаниях и предложениях). Исходя из этого, большинство исследователей образование слов подобным образом называют семантико-морфолого-синтаксическим способом.

Новые слова образуются и при лексикализации грамматических форм слов, называемой обычно семантико-морфологическим способом (Шанский 1981: 168-170; Дудников 1990: 193-194 и др.).

Наиболее распространенным во всех языках является лексико-семантический способ словообразования, при котором новые слова появляются в результате распада многозначного слова на омонимы.

Семантико-морфологический, семантико-морфолого-синтаксический и лексико-семантический способы словообразования происходят в результате семантического переосмысления. Поэтому мы придерживаемся точки зрения Ж.М.Гузеева, который все эти способы объединяет в один – семантический способ (Гузеев 2009).

Вслед за Ж.М.Гузеевым мы считаем, что в карачаево-балкарском языке имеет место и способ аббревиации, появившийся не только на основе русских калек (*КЪМР «КБР», КЪЧР «КЧР», КЪМКЪУ «КБГУ»* и др.), но и на собственной основе (*Жъайсын Къулий – Къулийланы Жъайсын «Кулиев Кайсын», Магомед Мокъа – Мокъаланы Магомед «Мокаев Магомед»; Зока – Зокаланы Зейтун «Зокаев Зейтун», Мокъа – Мокъаланы Магомед «Мокаев Магомед»* и др.).

Таким образом, знаменательные слова в карачаево-балкарском языке образуются шестью способами: 1) аффиксацией, 2) словосложением, 3) комбинацией аффиксации и словосложения; 4) редупликацией, 5) аббревиацией и 6) семантическим.

Анализ словарей карачаево-балкарского языка подтверждает, что *незнаменательные* слова в нем играют заметную роль в словообразовании, хотя и значительно меньшую, чем знаменательные слова. Они образуются в основном теми же способами, что и знаменательные слова, хотя эти способы проявляют себя во многом по-разному, особенно в количестве образованных ими словарных единиц. Исключение составляет способ *аббревиации*, по которому незнаменательные слова вовсе не образуются.

По сравнению со знаменательными словами способ *аффиксации* очень редко применяется в образовании незнаменательных слов. По этому способу образуются только послелогии, притом лишь некоторые из них и при помощи единственного аффикса – *-лы/-ли*: *чаклы* «столько, около» (*чакь* «время, пора»), *себепли* «по причине чего, по причине того, что; вследствие чего, из-за чего» (*себеп* «причина, повод, мотив»), *жапылы* «подобный, как, похоже, вроде» (*жапы* «вид, облик») и др. Из всех незнаменательных слов по способу *редупликации* образуются только междометия и звукоподражательные слова. При этом редуплицируются слова только самих этих частей речи. Междометия, как правило, повторяются полностью (*оуей-оуей!* «о боже!», *тоба-тоба!* «ах! о боже!», *ой-ой-ой!* «ну и ну!» и др.), а звукоподражательные слова – полностью и не полностью (*горф-горф/горф-гурф* – звукоподражание повторяющемуся глухому шуму, *пырх-пырх/пырх-чырх* – звукоподражание взрыву смеха, *занг-занг/занг-зунг* – звукоподражание длительным ударам предмета о предмет и др.).

Способом словосложения образуются частицы, союзы, междометия и модальные слова. Частицы образуются заметно больше других незнаменательных слов. При этом почти все частицы, образованные данным способом, собственно сложные, лишь отдельные из них составные.

Собственно сложные частицы обычно образуются сложением прилагательного, существительного (изредка наречия и частицы) и союза *да* «и». Это *усилительные* частицы *бютюнда* «особенно, очень, сильно» (*бютюн* «целый» + *да* «и»), *артыкъда* «особенно, в особенности» (*артыкъ* «лишний» + *да* «и») и др.

Другую часть сложных частиц составляют *ограничительные* частицы: *жаланда* «только, лишь» (*жалан* – с тем же значением + *да* «и»), *чыртда* «совсем, совершенно» (*чырт* – с тем же значением + *да* «и»).

Составными являются лишь отрицательная частица *хоу бир да* «да ну, да нет» и указательная *майна ма* «вон».

К сложным союзам относятся соединительные союзы *эмда* (эм «и» + *да* «и»), *дагыда* (дагы «и» + *да* «и»), разделительные союзы *неда* «или» (не «или» + *да* «и»), *огъесе* («огъай» «нет» + эсе «если» (вспом. глаг.)), противительный союз *алайа* (карач.) «но, однако» (*алай* – с тем же значением + а «а», «же»).

Как видно, сложные союзы, за редким исключением (*огъесе*), образованы от самих же союзов.

Сложных междометий в данном языке всего несколько. Это парные междометия – клятвенные слова: *оллахий-билляхий!* «клянусь богом!», *оллахий-лязим!* «честное слово!», *азим-керим!* «честное слово!»

Сложных модальных слов также немного: *алай бла* «так, таким образом» (*алай* «так» и *бла* «с, совместно с»), *сёз ючюн* «например» (*сёз* «слово» и *ючюн* «для, ради», «из-за, вследствие»), *керти окъуна* «действительно» (*керти* «правда, истина» и *окъуна* «даже, хоть») и др.

Семантический способ в образовании незначительных слов в карачаево-балкарском языке занимает особое место. По нему из незначительных слов не образуются только звукоподражательные слова. Однако одна из разновидностей семантического способа – лексико-семантическая – вовсе не принимает участия в образовании ни служебных, ни экспрессивно-эмоциональных слов.

По семантико-морфологической разновидности данного способа образуются послелогии, частицы, союзы, междометия и модальные слова: *послелогии* (*кёре* «судя по, согласно с, по» от дееприч. *кёре* «видя», *баишлал* «начиная с» от деепр. *баишлал* «начав, начиная», *къарамай* «несмотря на» от деепр. *къарамай* «не посмотрев» и др.), *частицы*, образованные от отрицательной формы деепр. на *-май* (*айланмай*, *шаишмай*, *бурмай* «точь-в-точь», «точно» от *айланмай* «не кружась, не вращаясь», *шаишмай* «не отклоняясь», *бурмай* «не крутя»), союзы (*алай болса да* «однако, но, тем не менее» от *алай* «так», *болса* «если будет», *да* «и», *ол себенден* «поэтому» от *ол* «тот, этот, то», *себенден* «от причины» и др.), междометия (*антсызма!* «я не я (буду)!» от *антсызма* «я не честный», *тоба болсун!* «ей-богу!» от *тоба* «покаяние», *болсун* «пусть будет» и др.), модальные слова (*билген Аллахды* «наверное» от *билген* «узнавший», *Аллахды* «это Аллах», *кертисин айтсакъ* «по правде говоря» от *кертисин* «правду», *айтсакъ* «если скажем» и др.).

Семантико-морфолого-синтаксическая разновидность семантического способа словообразования развита так же широко, как и семантико-морфологическая. По ней образуются те же части речи, что и по семантико-морфологической разновидности: послелогии (*сыфатлы* «подобный», «похожий на...» от *сыфатлы* «красивый, симпатичный, привлекательный, видный», *къарамлы*, *тюрсюнлю*, *шекелли* «подобный, как, похоже, вроде» от *къарамлы* «видный, солидный, статный», *тюрсюнлю* «цветной», *шекелли* «подобный кому-чему», *баишха* «кроме» от *баишха* «другой, иной» и др.), частицы (*къуру* «только» от *къуру* «пустой», *жалан* «только, лишь» от *жалан* «голый, обнаженный», *тюз* «как раз, точно» от *тюз* «ровный, прямой» и др.), союзы (*алай* «но, однако, тем не менее» от *алай* «так, таким образом», *сора* «и» от *сора*

«потом», «тогда, в таком случае» и др.), междометия (*тохта!* «погоди!» от *тохта-«остановиться»*, *къара!* «смотри!» от *къара* – «смотреть» и др.), модальные слова (*сёсюз* «безусловно, несомненно» от *сёсюз* «лживый», «бессловесный», *керти* «действительно» от *керти* «правильный, верный» и др.).

Таким образом, большинство незнаменательных слов по семантико-морфолого-синтаксическому способу производится от имен прилагательных (послелогов, частицы, модальные слова) и наречий (частицы, союзы, модальные слова), лишь незначительная их часть – от неличных форм глаголов и существительных (междометия и модальные слова).

Третья глава «Образование незнаменательных слов» содержит два раздела.

В первом разделе «Образование служебных слов» анализируются способы образования послелогов, частиц, союзов и союзных слов.

Большинство послелогов образуется от знаменательных частей речи (существительных, прилагательных, местоимений, наречий) следующими способами: 1) аффиксальным (только от существительных): *чаклы* «около, столько» от *чакъ* «время, пора» + *-лы*, *шекелли* «подобный кому-чему» от *шекел* «вид, облик» + *-ли* и др.; 2) семантическим: а) семантико-морфологической разновидностью (только от деепричастий): *ала* «к, около, под» от деепр. *ала* «беря», *башлап* «начиная с» от деепр. *башлап* «начав» и др.; б) семантико-морфолого-синтаксической разновидностью (от прилагательных, местоимений, наречий): *къарамлы* «видный» (*къарамлы жши* «видный парень») → *къарамлы* «с виду как» (*пелиуан къарамлы* «с виду как силач»), *ёзге* «другой» (*ёзге заманда* «в другое время» → *ёзге* «кроме (*тамбладан ёзге кюн* «день, кроме завтрашнего»)), *ары* «туда» (*ары бар-* «идти туда») → *ары* «раз... то, с, начиная» (*бюгюнден ары* «после сегодняшнего дня») и др.

Частицы образуются от всех знаменательных частей речи, за исключением числительных, двумя способами: 1) словосложением: *бегирекда*, *артыгыракъда* «особенно, в особенности» от *бегирек* «больше, сильнее» + *да* «и», *артыгыракъ* «побольше» + *да* «и», *ахырда* «совсем, вовсе» от *ахыр* «конец, окончание» + *да* «и» и др. Некоторые сложные частицы образуются путем сложения частицы и союза (*жаланда* «только, лишь» от *жалан* – с тем же значением + *да* «и») и самих частиц (*ийха* «пожалуйста» (обращение) от *ий* «пожалуйста» + *ха* «эй»)); 2) семантическим: а) семантико-морфологической разновидностью: *бузмай* «точь-в-точь» от деепр. *бузмай* «не портя» и б) семантико-морфолого-синтаксической разновидностью: *тамам* «как раз, точь-в-точь, точно» от *тамам* «очень, сильно», «самый», «совершенный», *туура* «совершенно, совсем» от *туура* «правильный», «открыто, прямо», «ясно, четко» и др.

В образовании простых союзов и союзных слов более или менее активно участвуют наречия (*алай* «так, таким образом» → *алай* «но, однако», *къайда* «где», «гораздо, значительно, много» → *къайда* «то», *къайры* «куда» → *къайры* (союзн. сл.) и местоимения (*ким* «кто» → *ким* (союзн. сл.), *ненча* «сколько» → *ненча* (союзн.сл.), *не* «что» → *не...не* «или...или»), редко участвуют существительные (*себеби* «причина чего-л.» → *себеби* «потому что») и числительные (*бир* «один» → *бир...бир* «то...то»), а глаголы и прилагательные их вообще не образуют.

Сложные союзы образуются сложением самих союзов (*эмда* «и, да» от *эм* «и, да + да «и», *неда* «или» от *не* «или» + *да* «и»), частиц (*огъесе* «ила» от *огъай* «не» + *эсе* «если»), глагольной формы и союза (*болсада* «однако» от *болса* «если будет» + *да* «и»).

Как и частицы, союзы, кроме способа словосложения, образуются еще семантическим способом, его семантико-морфологической (*алай болгъанлыкъгъа* «хотя и было так» → *алай болгъанлыкъгъа* «тем не менее», *алай болса да* «если даже будет так» → *алай болса да* «тем не менее», *аны себебинден* «по причине (вине) того» → *аны себебенеден* «потому что») и семантико-морфолого-синтаксической (*дагъыда* «еще, кроме того», «опять, еще раз, снова» → *дагъыда* «однако, тем не менее, несмотря на это», *алай* «так, таким образом» → *алай* «но, однако», *сора* «потом», «тогда, в таком случае» → *сора* «после того, как», «кроме кого-чего») разновидностями.

Второй раздел «Образование экспрессивно-эмоциональных слов» охватывает междометия, модальные и звукоподражательные слова и способы их образования.

Междометия образуются в основном от самих себя, существительных и глаголов тремя способами: словосложением (*оллахий-билляхий!* «клянусь богом!» от *оллахий!* и *билляхий!* «ей-богу!»), редупликацией (*аллах-аллах!* «ой-ой! о боже!», *оллох-оллох-оллох!* «боже сохрани!») и семантическим способом (*антым* «моя клятва» → *антым!* «честное слово!», *къора* «уменьшаться, убавляться» → *къора!* «вон!», *аперим* «хвала» → *аперим!* «браво!»).

Некоторые междометия образованы от устойчивых сочетаний: *Аллах сакъласын* «да спасет бог» → *Аллах сакъласын!* «боже упаси!», *ма санга* «на тебе» → *ма санга!* «вот тебе (и) раз!» и др.

Модальные слова производны от существительных, глаголов и числительных способами словосложения (*кертда* «действительно, в самом деле» от *керти* «правда, истина», «правильный, истинный» + *да* «и», *сѣз ючюн* «например» от *сѣз* «слово» и *ючюн* «для, ради», из-за, вследствие, ввиду», *бир ишексиз* «безусловно, несомненно» от *бир* «очень» и *ишексиз* «не вызывающий сомнения» и др.) и семантическим (*кертиди* «действительно» от *кертиди* «это правда»,

кёреме «кажется» от *кёреме* «я вижу», *тейри* «видимо, пожалуй» от *тейри* «бог», *ишексиз* «несомненно» от *ишексиз* «без сомнения» и др.).

Большинство звукоподражательных слов производные и образуются только одним способом – редупликацией (полной и неполной): *зуу-зуу* – подражание звуку быстрого движения предмета, *зап-зап* – подражание звуку хлопания крыльев птицы, *горф-гурф* – подражание звуку повторяющегося глухого шума, *пырх-чырх* – подражание взрыву смеха.

О том, что повторы звукоподражательных слов образуют новые слова, свидетельствуют следующие факты:

1. Значения звукоподражательных слов до повторения и при повторении не совсем идентичны. Например, *тарх* показывает, что выстрел производится один раз, а *тарх-тарх* – многократный выстрел из разных оружий.

2. Многие звукоподражательные слова без повторения не имеют лексического значения; ср. *кыйл* и *кыйл-кыйл* – подражание смеху, *ха* и *ха-ха-ха* – подражание взрыву смеха, *мур* и *мур-мур* – подражание мурлыканью и др.

3. Ряд не повторенных звукоподражаний не понятен, трудно определить, являются ли они вообще словами; ср. *дьюбюрт* и *дьюбюрт-дьюбюрт* – подражание бегу, топоту, *мыкь* и *мыкь-мыкь* – подражание заиканию и др.

4. Как и именные части речи, звукоподражательные слова, образованные путем редупликации, могут иметь аффиксы числа, принадлежности и падежей: *тарх-турхла* «звуки выстрелов», *ушюккланы тарх-турхлары* «звуки выстрелов ружей», *тарх-турхну тохтатыргъа* «остановить выстрелы» и т.п.

Хотя звукоподражательные слова, как уже отмечалось, образуются лишь внутри себя и по единственному способу – редупликации, от них производятся слова разных частей речи по разным способам: существительные *чаука* «галка» от *чау* – подр. звуку, издаваемому птицей + афф. *-ка*, *къаргъа* «ворона» от *къар* – подр. звуку, издаваемому вороной + афф. *-гъа* и др.; прилагательные: *чуусуз* «беззвучный» от *чуу* – подр. звуку выстрела + афф. *-суз*, *шыкьыртсыз* «бесшумный» от *шыкьырт* – подр. треску, хрусту + афф. *-сыз* и др.; глаголы: *зууулда-«жужжжать»*, *«гудеть»* от *зуу* – подр. звуку полета пули, стрелы и т.п. + афф. *-лда*, *зынгырда-«звенеть, лязгать»*, *«греметь»*, *«дребезжать, издавать звон»* от *зынгыр* – подр. звуку, издаваемому падающим со звоном предмета + афф. *-да* и др.

Как видно, приведенные и аналогичные с ними слова образованы способом аффиксации.

Определенное количество существительных в исследуемом языке образовано и семантико-морфолого-синтаксической разновидностью семантического

способа словообразования: *бакь-бакь* – подр. кряканью утки → *бакь-бакь* (дет.) «утка», *уммо* – подр. мычанию коровы → *уммо* (дет.) «корова» и др.

Словообразовательные отношения существуют не только между знаменательными и незнаменательными словами, но и между самими последними.

Анализ словарей показывает, что по сравнению с эмоционально-экспрессивными словами служебные слова значительно часто переходят друг в друга. Среди служебных слов в этом отношении особое место занимают частицы, которые соотносятся не только с другими разрядами служебных слов (союзами и послелогоми), но и со всеми разрядами эмоционально-экспрессивных слов. Из всех слов этой категории со служебными словами (притом только с частицами) соотносятся лишь междометия. Что касается звукоподражательных и модальных слов, то они из всех незнаменательных слов соотносятся только с частицами и то довольно редко.

Словообразовательные отношения, существующие между незнаменательными словами, осуществляются по следующим моделям:

1) союз → частица: *эм «и, да»* → *эм «очень, сильно», да «и»* → *да «даже, же»* и др.;

2) послелог → частица: *шекелли «подобно кому-чему; вроде кого-чего»* → *шекелли «будто», кибик «как кто-то, подобно кому-чему»* → *кибик «будто»* и др.;

3) послелог → союз: *бла «с», «по», «на», «через», «от», «под», «при»* → *бла «и», сора «после кого-чего, после того, как»* → *сора «и»* и др.;

4) междометие → частица: *ай «ах!», «вот!»* → *ай! «ах!», ох! «ого!»* → *ох «ладно, хорошо»* и др.;

5) междометие → модальное слово: *айхай! «конечно, безусловно!»* → *айхай «к сожалению»;*

6) звукоподражательное слово → частица: *чырт* – подр. звуку влияющегося в ведро молока при доении коровы → *чырт «совсем, совершенно, абсолютно, вовсе».*

Последние две модели применяются редко.

Из приведенных примеров видно, что словообразовательные отношения между незнаменательными словами исследуемого языка – семантико-морфолого-синтаксические, при которых образуются лексико-грамматические омонимы.

В Заключении подведены итоги проведенного исследования, которые сводятся к следующему.

Укоренившееся мнение, согласно которому части речи бывают знаменательными и служебными, в последние годы не разделяется некоторыми исследователями, что поддерживается и в данной работе. Кроме служебных, в языках функционируют, как считают эти ученые, экспрессивно-эмоциональные части

речи (междометия, модальные и звукоподражательные слова), которые вместе составляют незначаменные части речи. Об их словообразовании в тюркологии нет каких-либо исследований. Между тем они образуются теми же способами, что и значаменные части речи. Исключение составляет в основном только аббревиация, по которой незначаменные слова не образуются.

Из всех незначаменных слов только звукоподражательные не образуются ни от каких других частей речи, а создаются внутри самих себя способом редупликации.

В служебные части речи переходят слова всех значаменных частей речи, особенно часто – существительные, наречия и местоимения. Служебные части речи образуются также друг от друга: частицы – от послелогов и союзов, а союзы – от послелогов.

Самую большую активность в создании словообразовательных отношений проявляют частицы, которые соотносятся, за исключением звукоподражательных слов, со всеми незначаменными словами.

По сравнению со служебными словами словообразовательный потенциал экспрессивно-эмоциональных слов заметно беден. В отличие от служебных слов эта категория незначаменных слов от наречий и местоимений не образуется, а звукоподражательные слова не образуются ни от какой части речи, кроме как от самих себя.

Взаимопереходы между экспрессивно-эмоциональными словами редки, случаи же перехода их в служебные слова довольно часты.

Абсолютное большинство незначаменных слов образуется семантическим способом.

Переход значаменных слов в незначаменные осуществляется, как указывалось, способами аффиксации, словосложения, редупликации и семантическим, переход незначаменных слов друг в друга – только по одной разновидности семантического способа словообразования – семантико-морфолого-синтаксической.

Основные научные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. *Черкесова З.Б.* О соотношении служебных имен существительных, наречий и послелогов // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН, № 5(37). – Нальчик, 2010. – С.140-142.

2. *Улаков М.З., Черкесова З.Б.* Звукоподражательные глаголы в системе карачаево-балкарского языка // Гуманитарные исследования, № 4, 2011: Астраханский госуниверситет. – Астрахань, 2011. – С. 167-171.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

3. *Гузев Ж.М., Черкесова З.Б.* Образование междометий в карачаево-балкарском языке // Словообразование в тюркских языках: исследования и проблемы: Материалы международной тюркологической конференции, посвященной 80-летию Фуата Ганиева (Казань, 20-21 сентября 2010). – Казань, 2011. – С. 203-206.

4. *Гузев Ж.М., Черкесова З.Б.* Образование служебных глаголов в тюркских языках // Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня рождения И.Х.-М. Урусбиева. – Карачаевск: КЧГУ, 2010. – С. 101-108.

5. *Черкесова З.Б.* О словообразовании послелогов в карачаево-балкарском языке // Вопросы тюркологии. № 5. – Баку, 2010. – С. 15-16.

6. *Черкесова З.Б.* Об образовании подражательных слов в карачаево-балкарском языке // Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи: Тезисы докладов 2-ой международной научной конференции, 17-18 июня 2010 г. – Махачкала, 2010. – С. 223-226.

7. *Черкесова З.Б.* Послелог-омонимы к знаменательным словам (на материале тюркских языков) // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии: Сборник статей к 70-летию Ж.М. Гузеева. – Нальчик, 2010. – С. 185-188.

8. *Гузев Ж.М., Черкесова З.Б.* Способы словообразования незнаменательных слов // Материалы всероссийской научной конференции. Часть 1. – Карачаевск, 2011. – С. 285-292.

9. *Черкесова З.Б.* Образование частиц в карачаево-балкарском языке // Наука и устойчивое развитие: Материалы 5 Всероссийской научной конференции. – Нальчик: Издательство «Принц Центр», 2011. – С. 260-262.

10. *Гузев Ж.М., Черкесова З.Б.* Образование союзов и союзных слов в карачаево-балкарском языке // Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Наука и устойчивое развитие. – Нальчик, 2011. – С. 221-222.

В печать 11.03.2012. Тираж 100 экз. Заказ № 6492
Полиграфический участок ИПЦ КБГУ
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

